

отрезки здесь нет. . . » [27, с. 453]). В симфонии же и запись не стиховая. Рифмы необязательны, но встречаются, как на концах коротких абзацев, так и внутри абзацев (внутренние рифмы). Рифмовка зачастую весьма «отдаленная» и не сразу заметная. Эта метризованная проза «для глаза», как «для глаза» и почти пословно раздробленные стихи, — на слух паузы между абзацами и внутри их часто совершенно неразличимы. Вдобавок это и трехсложниковая, и двусложниковая проза, иногда вместе:

«Лес был суров.

Между стволов в дни безумий все звучал, все звучал звонкий голос волхва,
призывая серебрянотонких колдуний для колдовства.

В дни безумий:

«С жаждой дня у огня среди мглы фавны, колдуны, козлы, возликуем.

«В пляске, равны, танец славный протанцуем среди мглы! . . . Козлы! . .

«Фавны!» [28, с. 70—71].

Как видим, рифмы внутри абзацев и между ними принципиально уравниены. Весьма усложненная рифменная цепь объединяет трехсложниковую (вначале) и двусложниковую (в конце) метризацию. Дву- и трехсложники могут соединяться и в пределах одного абзаца.

«Пляски и песни любимые продолжал чародей: „О, цветы мои, чистые, как кристалл! Серебристые!“» — пока только трехсложники, но следующий абзац — короткий двусложник, 2Я («Вы — утро дней. . .»), третий — ряд коротких двусложников: «Золотые, благовонные, не простые — червонно-сонные, лучистые, как кристалл, чистые». Это 2Х, 2Х, 2Х, 2Я, 1Я, 2Х («как кристалл» — дальше рифмуется с «кричал»), 1Х. Четвертый абзац повторяет второй: «Вы — утро дней» (2Я). А пятый звучит как сочетание 3Х и 2 Анап («И кричал, ликуя: „Все нежней вас люблю я“»), но на самом деле конструкция сложнее, ведь «И кричал» не сливается с «ликуя», поскольку рифмуется с «кристалл» в третьем абзаце, и, значит, эти два слова — то ли 2Х, то ли 1 Анап, а «ликуя» — то ли 1Я, то ли 1 Амф. «Все нежней вас люблю я» тоже разлагается соответственно рифмовке («нежней» — «Утро дней»). Если игнорировать рифмы как не имеющие отношения к ритмическому членению, то пятый абзац будет состоять именно из 3Х и 2 Анап: «И кричал, ликуя: „Все нежней вас люблю я“» [29, с. 72]. В метризованной прозе так оно и есть. Но для Белого это не просто метризованная проза, а еще более маргинальное образование, соединение, слияние метризованной прозы с рифмованной «мнимой прозой» для глаза, т. е. в общем-то все-таки со стихом.

Подобные усложненные конструкции обнаруживаются в 1-й симфонии еще пять раз [29, с. 65, 73, 78, 83, 85]. Но основной фон прозаический. Трехсложниково-дольниковая метризация «обычного» типа, лишь с эпизодическими рифмами, встречается через одну-две страницы, иногда чаще, изредка реже, на протяжении всего произведения, однако не вытесняет прозу как таковую. В конце третьей части симфонии и в середине четвертой подбавлено чуть-чуть двусложниковой метризации [29, с. 85, 91].

В печати Андрей Белый дебютировал, как известно, в 1902 г. 2-й, драматической симфонией [29, с. 97—200]. О ритме 1-й здесь напоминают только короткие абзацы, обычно по полторы — две строки. Метризация минимальная: трехсложниково-дольниковая — всего два абзаца в первой части, 10 абзацев в разных местах третьей части, один абзац в четвертой [29, с. 97, 98, 159, 162, 170, 174, 181]; кроме того, пророчество, изрекаемое с извозчика Владимиром Соловьевым, которое можно почтить и моностихом: «Конец уже близок: желанное сбудется скоро» [29, с. 176]. В трех с половиной коротких абзацах усматривается двусложниковая метризация [29, с. 98, 99, 159, 172]. Хотя впоследствии Белый